

Обращает на себя внимание еще одно ценное обстоятельство: монография оснащена хорошим справочным аппаратом (очень четко даются сноски, полно отражает содержание книги именной указатель).

Мы далеки от того, чтобы ставить в вину автору те или иные пропуски отдельных тем или вопросов, однако на два момента хотелось бы обратить внимание, учитывая возможность переиздания книги.

В монографии не раскрывается отношение Луначарского к Л. Толстому (речь идет только о плодотворности учебы отдельных советских писателей у автора «Войны и мира»), тогда как о Чехове (в главе о дореволюционной деятельности) и Короленко (в главе о первых годах революции) говорится специально. Жаль, что в монографии нет сведений о том, почему Луначарский как нарком просвещения не привлекался к работе той комиссии по организации писателей и поэтов в самостоятельное общество, которая была сформирована 6 июля 1922 г. постановлением Политбюро ЦК РКП(б). Деятельность этой комиссии имела позитивное значение для консолидации литературных сил молодой Страны Советов

(заметим, что причины неучастия Луначарского в выработке письма ЦК РКП(б) «О Пролеткультах» 1920 г. подробно объяснены).

В отдельных случаях исследователь недостаточно аргументирует то предпочтение, которое он отдает точке зрения Луначарского, противопоставляя ее мнению других критиков, в частности М. Горького (стр. 285 — отношение Луначарского и Горького к группе «Серпионовы братья»; стр. 303 — оценка Луначарским и Горьким романов Д. Фурманова «Чапаев» и «Мятеж»). Некоторые вопросы в книге освещены слишком фрагментарно: оценка Луначарским модернистской литературы и творчества писателей-знабывцев (глава I), характеристика позиций старой литературно-художественной интеллигенции (глава II). Но все это частные замечания, не влияющие на общую оценку книги.

Благодаря введению в монографию большого фактического материала и освещению деятельности Луначарского критика в разных аспектах, фигура замечательного соратника Ленина делается еще более значительной для истории советской культуры.

А. Д. Зайдман

«Лермонтов и литература народов Советского Союза». Ереван, изд. Ереванского университета, 1974, 456 с.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького и Ереванский государственный университет предприняли издание серии книг, посвященных выяснению места великих русских писателей в многонациональной культуре нашей страны и значения этих писателей для развития литератур разных национальностей.

«Лермонтовский» том в этой серии — третья по счету книга, появившаяся вскоре за «некрасовским» и «горьковским» сборниками.

Нет сомнения, что сам замысел создания подобных трудов чрезвычайно перспективен, поскольку жизнь великих произведений в кругу родной и иноязычной культуры, возникавших в непосредственном соприкосновении друг с другом и в то же время различных вследствие особенностей национально-исторического развития, может открыть — и уже открывает — новые, нехоженые тропы в изучении творчества русских писателей, их восприятия и роли в формировании национальных литератур. Реализация замысла такого рода трудов позволяет точнее представить внутренние процессы, происходившие в литературе каждого народа, полнее очертить их благодаря проинквизиции иноязычного материала и его ассимиляции, усвоения той или иной национальной культурой. В конечном итоге при неравномерности исторического развития каждой национальной литературы

выявляется типологическая общность и типологические различия в прохождении разными литературами сходных стадий литературного процесса.

Среди такого рода статей, составляющих третий раздел сборника, безусловный интерес представляют исследования В. С. Шадури («Лермонтов в грузинской литературе»), С. К. Даровяна («Лермонтов и армянская действительность (20—60-е годы XIX в.)», Э. М. Джрбашяна («Ваан Терян и поэзия Лермонтова»), Р. Ф. Юсуфова («Пути освоения наследия Лермонтова»), С. Г. Исакова («Творчество Лермонтова в Эстонии в XIX столетии (1880—1890-е гг.)»), И. Я. Заславского («Лермонтов и украинская советская поэзия») и А. А. Гаджиева («Лермонтов и Азербайджан»).

Э. М. Джрбашян, например, путем тонкого анализа установил глубокую внутреннюю связь и творческую переключку крупнейшего восточноармянского поэта начала века Ваана Теряна с Лермонтовым, несмотря на то, что прямых высказываний о Лермонтове у Ваана Теряна нет, как нет и прямого следования русскому поэту. Но своеобразное художественное мышление Ваана Теряна и его поэтическая система убедительно свидетельствуют о прочном усвоении им лермонтовского наследия. Это позволяет автору прийти к частному, но весьма продуктивному выводу о том, что суть творческого